

ЗАМЕТКИ О ЛЕКСИКЕ ЛЕСТВИЦЫ ИОАННА СИНАЙСКОГО

Т.Г. Попова

*Гуманитарный институт Северного (Арктического) федерального университета
им. М.В. Ломоносова, Северодвинск,
lestvic@mail.ru*

Аннотация. Одна из самых популярных книг в средневековой письменности, Лествица Иоанна Синайского, остается крайне мало изученной. В статье предлагаются наблюдения над лексическим составом книги по тексту древнейшей русской рукописи, созданной в середине XII в. на киевских землях. В рукописи функционирует множество слов, указывающих на время и место выполнения первого славянского перевода Лествицы (Преславская книжная школа). Автором перевода может быть выдающийся болгарский книжник Иоанн Экзарх. В статье рассматриваются медицинская и астрономическая лексика, слова, именующие животных и растения, названия химических элементов. Описывается лексика, относящаяся к монастырскому быту: названия жилищ, слова, передающие уклад жизни в монастыре, именованья иноков. Особое внимание уделяется словам, именующим нечистую силу. Эта группа лексем в Лествице чрезвычайно разнообразна. Против монаха изошренно действуют дьявол и его свита (бесы), олицетворяющие тот или иной порок. Лествичник выразительно описывает борьбу монаха с этими бесами (бесом тщеславия, бесом блуда, бесом уныния и др.). В оригинальном тексте автор старается заменять лексемы *дьявол* и *бес* непрямыми наименованиями (*враг, волк, змей, разбойник* и т.д.). Еще большим стремлением избегать употребления этих слов характеризуется славянский текст памятника. При чтении рукописи складывается впечатление, что писец специально пропускает названия бесов. В целом, наблюдения над текстом славянской рукописи в сопоставлении с греческим оригиналом приводят к убеждению, что первый славянский перевод Лествицы был выполнен на высоком уровне. Но в славянской рукописи отсутствуют греческие лексемы, которые несут большую смысловую нагрузку, часто являясь ключевыми в своих контекстах. В результате такой писцовой «деятельности» напрочь утрачивается смысл целых фрагментов текста.

Ключевые слова: Лексика, славянские тексты, Лествица, Иоанн Синайский

Одной из самых популярных книг в средневековой славянской письменности был обширный трактат о подвигах монашеской жизни, написанный в первой половине VII в. игуменом Синайского монастыря Иоанном. Этот памятник учитель-

Попова Татьяна Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и русского языка Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта 16-04-00420 «Текстологическое и лингвистическое исследование древнейшей русской рукописи Лествицы Иоанна Синайского».

ной ранневизантийской литературы широко известен в славянской книжности под названием «Лествица» (современное русское *лестница* является поздним словообразовательным вариантом общеславянского слова *лествица*). Книга содержит 30 глав, символизирующих ступени, ведущие человека к Богу. До настоящего времени от XII–XIX вв. дошло более 500 славянских списков книги¹. Особенно почитаема была Лествица у русского читателя: об этом свидетельствуют и сотни дошедших русских рукописей книги, и множество выписок из Лествицы в самых разных сборниках (начиная с Изборника Святослава 1073 г.), и множество храмов, воздвигнутых на Руси во имя святого Иоанна, и большое число русских икон с изображением святого (или с «Видением Лествицы»). Огромная популярность памятника обусловлена многими причинами, к числу которых относятся такие несомненные достоинства книги, как содержательная глубина, тонкий психологический анализ, красота и выразительность языка.

Чрезвычайно богат и разнообразен лексический состав Лествицы. Его изучение крайне важно для истории русского литературного языка разных периодов его развития. «Историю языка изучают не по памятникам, а по рукописям», и «источником историко-лингвистических выводов является конкретная рукопись»². Обратимся к древнейшей славянской рукописи Лествицы, написанной, вероятно, в середине XII в. на территории, близкой к Киеву (или в другом месте писцом – носителем киевского диалекта). Рукопись хранится в Румянцевском собрании Российской государственной библиотеки под номером 198 (далее – Рум. 198).

Первой задачей, встающей перед исследователем текста переводного памятника, является поиск «оригинала» перевода, без привлечения которого любые наблюдения над языком рукописи будут гипотетическими. Найти греческую рукопись, текст которой находился перед глазами славянского переводчика, представляется задачей невыполнимой (число дошедших до настоящего времени греческих рукописей Лествицы составляет не менее 518). Сравнение славянского текста Лествицы (по рукописи Рум. 198) с опубликованными и неопубликованными греческими текстами памятника привело к однозначному выводу о том, что в основе первого славянского перевода Лествицы лежит та версия греческого текста, которая была опубликована М. Радером и переиздана Минем³.

Наблюдения над лексическим составом Рум. 198 (в сопоставлении с «оригинальным» греческим текстом) позволяют сделать ряд выводов, важных и для исторической лексикологии русского языка, и для изучения раннеславянских переводческих школ, и для исследования истории славянского текста Лествицы.

Прежде всего, в тексте Рум. 198 функционирует множество слов, связанных с Преславской переводческой школой («преславизмов»). Перечислим некоторые характерные лексемы Рум. 198, наличие которых в древнейших славянских рукописях является яркой текстологической приметой памятников преславского происхождения: **бѣхъма** πάντη, εἰς ἅπαν, τὸ σύνολον; **васнь** ἰσως, τάχα;

¹ В Каталоге славянских рукописей Лествицы (Popova 2012) дается археографическая информация о 514 списках памятника. На сегодняшний день автору известно местонахождение 541 рукописи Лествицы.

² Камчатнов 1995, 6.

³ См.: S. Ioannis Scholastici, abbatis Montis Sina, qui vulgo Climacus appellatur, opera omnia / Interprete Matthaeo Radero. Lutetiae-Parisiorum, 1633; Climaci Joannis Scala paradisi. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 88. Col. 631–1210. Parisiis, 1860.

голѣмын μέγας; крѣмла ή τροφή, ή τρυφή; крѣвнн ό χαλκεύς; пастоухъ ό ποιμήν, ό προεστώς; послонхъ ό μάρτυς; подѣврѣзеник ή κατάνυξις; шарѣвнн ό ζωγράφος и др. В других (более поздних) славянских переводах Лествицы этим словам соответствуют другие лексемы. Как выявила Н. Василева, в целом, лексика Рум. 198 очень похожа на лексику таких памятников преславской переводческой школы, как Шестоднев, Слова Григория Назианзина, преславская часть Супрасльской рукописи, Минеи Четьи, однако в Рум. 198 имеются и такие единично употребляемые слова, которые, по наблюдениям исследовательницы, не встречаются в других преславских памятниках, напр.: крѣшьнн ή πυγή; новакъ ό ἀρχαῖος; хлѣпыць (хлѣбънын) ό προσαίτης.⁴ Заметим, что в Рум. 198 имеются и моравизмы (напр., раунтн ἀνέχομαι, φύω, который встречается в Синайском Патерике и Номоканоне Мефодия⁴).

Конечно, обилие «преславизмов» в Рум. 198 позволяет однозначно определить локализацию первого перевода Лествицы. Однако, как и всякий древний текст, Лествица имеет сложный и смешанный по своему происхождению лексический состав. Как писала Л.П. Жуковская, «в первых сохранившихся памятниках можно пытаться определять солунские, моравские, паннонские, плисковские <...> древнерусские <...> хорватские <...> охридские, преславские <...> вторичные древнерусские <...> языковые особенности»; однако «сводить все многообразие лексических вариантов <...> только к охридизмам, преславизмам или моравизмам <...> явно недостаточно»⁵. Думается, что факты единичного употребления «не-преславских» слов в, несомненно, преславском памятнике восходят не к протографу перевода, а к промежуточным спискам, писцы которых отразили в рукописях черты своей речи. Древнейшая рукопись перевода, Рум. 198, была написана примерно через полтора-два века после выполнения этого перевода; за это время первоначальный текст перевода не мог не претерпеть изменений.

В целом, переводческая манера автора первого славянского перевода Лествицы обнаруживает большое сходство с переводческой техникой и словоупотреблением выдающегося деятеля золотого века болгарской литературы – Иоанна Экзарха, переводы которого представляют собой совершенно особое направление средневековой переводческой техники. Наблюдения над лексическим составом Рум. 198 показывают, что преславский перевод Лествицы вполне может принадлежать если не самому Иоанну Экзарху, то, во всяком случае, переводчикам его школы: в переводе отражены основные принципы переводческой деятельности Иоанна Экзарха Болгарского – чуткого, талантливого художника слова⁶.

Удивительным художником слова представляется и автор текста – Иоанн Синайский, или «Лествичник», или «Схоластик». Особых замечаний требует атрибут «Схоластик». Этим словом в византийской традиции называли человека универсального таланта, одновременно художника и ученого⁷. Е.М. Верещагин нашел точные слова, характеризующие стиль памятника: «... встреча науки и художества»⁸ [курсив наш – Т.П.]. Именно человеком «науки и художества» одновре-

⁴ Иванова 1965, 152.

⁵ Жуковская 1974, 469.

⁶ См. об этом подробно: Попова 2010а.

⁷ Ball 1931, 3.

⁸ Верещагин 1996, 71.

менно предстает в своей книге Иоанн Синайский. Огромная эрудиция и широкий жизненный кругозор автора особенно ярко выявляются в результате наблюдений над лексическим составом его книги.

В Лествице встречается лексика самых разных тематических групп. Назовем некоторые из них.

Одним из основных образов книги является образ пастыря, наставника, духовного отца, труд которого уподобляется труду врача. Часто Лествичник использует медицинскую терминологию. Иногда для лечения болезней своих учеников пастырь использует такие манипуляции, как *пластръ* ή *ἐμπλαστρον*, *прнлогъ* ή *ἐμπλαστρον*, ή *προσθήκη*, *прнложенне* ή *ἐμπλαστρον*, ή *προσβολή*, *прнлѣпленне* ή *ἐμπλαστρον*, а иногда для искоренения порока бывает необходимо и хирургическое вмешательство: *мнанне* ή *μήλη*. В Лествице встречаются названия таких болезней, как *главоболне* ή *κεφαλαλγία*, *огнь* ὁ *πυρετός*, *внтне* *оутровѣ* ὁ *στροφός*, *гроженне* (*гроза*) ή *φρίκη*.

Излюбленным художественным средством Лествичника является сравнение, и при этом один из сопоставляемых элементов – это вполне конкретный образ: ярость подобна *червю*; болезнь – это *змея*, которого надо поймать за хвост; родные кружат над решившим оставить мирскую жизнь будто рой *ос* или *пчел*; как *вошь* кроется в *голубе*, так блуд приближается к любви и т.п. В связи с этим в Лествице множество слов, обозначающих названия животных (*львъ* ὁ *λέων*, *леопардъ* ὁ *λεόπαρδος*, *влькъ* ὁ *λύκος*, *псъ* ὁ *κύων*, *лнсна* ή *ἀλώπηξ*, *двнн* *осъль* ὁ *ὄναγρος*, *заяць* ὁ *λαγός*, *овыца* τὸ *πρόβατον*, *конь* ὁ *ἵππος*, *паоунна* ή *ἀράχνη*, *урвь* ὁ *σκώληξ*), птиц (*пѣтница* τὸ *πετεινόν*, *голоубъ* ή *περίστερα*, *пастрабъ* ὁ *πέρδις*, *коура* ὁ *ὄρνις*), насекомых (*въшь* ὁ *οθεῖρ*, ή *οθεῖρα*, *бѣуела* ή *μέλισσα*, *оса* ὁ *σοήξ*, *мравнн* ὁ *μύρμηξ*).

Довольно широко представлена и лексика, именующая растительный мир: *пышенница* ὁ *σίτος*, *зрьно* ή *ράξ*, *плава* ὁ *χόρτος*, *сѣно* ὁ *χόρτος*, *трава* ὁ *χόρτος*, *двннн* *маслнна* ὁ *ἀγριέλαιος*, *добрага* *маслнна* ὁ *καλλιέλαιος*, *шнпѣкъ* ή *ροιά*).

Часто в тексте используется астрономическая лексика (*дньнннца* (*свѣтоносъць*) ὁ *ἑωσφόρος*, *лоуна* ή *σελήνη*, *слѣньце* ὁ *ἥλιος*).

Высочайший уровень образованности Лествичника проявляется, к примеру, в знакомстве с химией. В своей книге он пишет о свойствах таких металлов, как *злато* τὸ *χρυσίον*, ὁ *χρυσός*, *серебро* ὁ *ἄργυρος*, *желѣзо* ὁ *σίδηρος*, τὸ *σίδηρον*, *водьное* *серебро* 'ртуть' ὁ *ὕδρωδης ἄργυρος*, *каштеръ* 'олово' ὁ *κασσίτηρος*.

Однако Лествица – это, в первую очередь, памятник, который служил энциклопедией духовной жизни христианина. Поэтому она сохранила множество слов, относящихся к религии и монастырскому быту.

Для обозначения монастырской общины употребляются слова *манаствѣрь* τὸ *κοινόβιον*, τὸ *μοναστήριον*, ή *μονή*, *овьще* *жнлнце* τὸ *κοινόβιον*, *овьще* *жнтне* τὸ *κοινόβιον*, *нноуство* ή *μονή*. Глава этого учреждения именуется *старѣннна* ὁ *ἄρχων*, ὁ *μέγας*, ὁ *προεστώς*, *вышестоян* ὁ *προεστώς*, ὁ *προεστηκώς*, *нгоумень* ὁ *ηγούμενος*, ὁ *προεστώς*, *пастоухъ* ὁ *προεστώς*, *старѣн* ὁ *προεστώς*, ὁ *ἡγέμων*. Жилище монахов называется *каѣть* ή *κέλλα*,

τὸ κελλίον, ἡ μονή, **котька** ἢ **келла**, **хлѣвна** ἢ **келла**, τὸ κελλίον, ὁ οἶκος.

Множество слов передает уклад жизни в монастыре: **молнтва** ἢ **δέησις**, ἡ **εὐχή**, ἡ **ἱκεσία**, ἡ **προσευχή**, **сѣборъ** ἢ **συναγωγή**, ἡ **συνάθροισις**, ἡ **συνοδία**, ἡ **σύνδοδος**, **сѣбраннѣ** ἢ **σύναξις**, τὸ **συνακτήριον**, **сѣхожденнѣ** ἢ **σύναξις**, ἡ **συνόδος**, **пѣтнѣ** ἢ **μελωδία**, ὁ **ψαλμός**, ἡ **ψαλμωδία**, **пѣннѣ** ἢ **ψαλμωδία**, **трапеза** ἢ **τράπεζα** и т.д.

В рукописи функционируют лексемы, обозначающие род деятельности живущих в монастыре иноков: **архиднакѣ** ὁ **ἀρχιδιάκονος**, **прнставннѣ** ὁ **προεστώς**, ὁ **προεστηκώς**, **сокаунн** (**сокаунннѣ** τοῦ ὁψοποιοῦ), **стронтеѣ** ὁ **οἰκονόμος**, **вратарь** ὁ **θυρορός**, ὁ **πυλорός**, **работъннѣ** ὁ **ὑπηρέτης**, ὁ **ὑπουργός**, **слогга** ὁ **διάκονος**, ὁ **διακωνῶν**, ὁ **ὑπηρέτης**, ὁ **ὑπουργός**, **гостнтѣ** ὁ **ἐστιάτορ**, **намѣстннѣ** ὁ **τοποποιός**. Монашествующее лицо именуется **ннокѣ** ὁ **μοναχός**, **ннокын** ὁ **μοναχός**, **урьньць** ὁ **μοναχός**. Человек, только что ступивший на путь отречения от мира, называется **новакѣ** ὁ **ἀρχαῖος**, **нововѣедын** ὁ **εἰσαγωγικός**.

Аскетическая терминология Лествицы отличается военной и спортивной образностью. Некоторые из подобных выражений восходят к посланиям апостола Павла, например, *броня веры* (ср.: 1 Фес 5, 8). Монах как *духовный воин* должен быть хорошо вооружен: он должен иметь *броню железную кротости и терпения*, *меч духовный для умерщвления собственной воли*, *щит истинной веры*, *шлем спасения* – молитвы наставника, и *оружие* – собственные молитвы. Для обозначения инока Лествичник использует ряд лексем с семантикой ‘борец’: ὁ **ἀθλητής** **страстготръпыць** или **страдальць**, ὁ **πολεμιστής** **борьць**, ὁ **βιαστής** **ногжда-ннѣ**. Помимо этого, Лествичник называет монаха ὁ **πύκτης** ‘кулачный боец’ **троудъннѣ**. Пастыря, в свою очередь, Лествичник именует ὁ **γυμναστής** ‘тренер бойцов’ **оуунтѣ** и **обоуванннѣ** и ὁ **ἀγωνοθέτης** ‘устроитель, судья спортивных состязаний’ **трнзноположннѣ** и **троудположннѣ**.

Вступивший на путь отречения от мира ведет непрерывную изнурительную борьбу со страстями, персонифицированными в виде бесов. Лексика, относящаяся к нечистой силе, чрезвычайно разнообразна. Против монаха изощренно действуют дьявол (**δνѣволъ** ὁ **διάβολος**) и его свита (**бѣсн** οἱ **δαίμονες**): **Πάντες μὲν οἱ δαίμονες σκοτοῦν τὸν νοῦν δοκιμάζουσιν** **всн** **ὁ҃во** **бѣсн** **ὀτѣмнѣ** **ватн** **ὁ҃мъ** **окоушають** 108в, 15–16.

Вообще, христианские подвижники, писавшие о страстях как болезнях души и о методах лечения этих болезней (кроме Иоанна Лествичника, это Авва Дорофей, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов, Григорий Синаит, Нил Синайский и многие другие), вероятно, основывались на какой-то античной по происхождению психологической теории⁹. Согласно сочинениям этих писателей, греховных страстей всего восемь: это чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Взгляды Лествичника на эту систему страстей особенные: он объединяет тщеславие и гордость в одну страсть (считая тщеславие начальной стадией гордости), и, таким образом, он говорит не о восьми, а о семи «злых помыслах». При этом, по мнению Лествичника, главными страстями являются сла-

⁹ См. об этом: Прохоров 2010, 205–208.

волюбие, сластолюбие и сребролюбие – они порождают все остальные болезни души. Лествичник выразительно описывает борьбу монаха с бесами, олицетворяющими тот или иной порок.

Постоянно находится рядом с иноком бес тщеславия, $\delta\tau\eta\varsigma\kappa\epsilon\nu\omicron\delta\omicron\chi\iota\alpha\varsigma\delta\alpha\acute{\iota}\mu\omega\nu$ (в переводе: **беславынын, любославынын, славолубынын, тѣщеславынын бѣсъ**). Он даже спать человеку не дает: $\epsilon\chi\theta\rho\alpha\acute{\iota}\nu\epsilon\iota\tau\omicron\iota\varsigma\lambda\alpha\gamma\omega\omicron\iota\varsigma\delta\kappa\upsilon\omega\nu$, καὶ τῷ ὕπνῳ $\delta\tau\eta\varsigma\kappa\epsilon\nu\omicron\delta\omicron\chi\iota\alpha\varsigma\delta\alpha\acute{\iota}\mu\omega\nu$ **Враждоуиеть на заѣць пьсь · н на сънъ тѣщеславынын бѣсъ** 117в, 2–4. Это он тычет своим пальцем в ребро монаха, заставляя его рассказывать о своих подвигах (122г, 22 – 123а, 6); это он внушает одному брату нечистые помыслы, в то же время открывая их другому (121а, 5–13); это он внушает инокам амбициозные планы: стать епископом, или игуменом, или учителем (121а, 17–21).

Люто борются с иноком *бесы блуда*: $\text{Πολεμοῦσιν ἡσυχαστῇ χαλεπῶς οἱ τῆς πορνείας δαίμονες}$ **борют сь съ мѣлѣальннкѣмъ блѣднн бѣсове** 103г, 11–13. Они внушают человеку нечистые помыслы (109а, 14–19); они не дают покоя и во сне, посылая иноку видения *земных красот* (96г, 20–97а, 1).

Корнем всего зла, вслед за апостолом Павлом, Лествичник называет сребролюбие (112а, 1–3; ср.: 1 Тим 6, 10). *Бес сребролюбия*, $\delta\tau\eta\varsigma\phi\iota\lambda\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\iota\alpha\varsigma\delta\alpha\acute{\iota}\mu\omega\nu$ (в переводе: **сребролюбынын, златолубынын бѣсъ**), бесконечно коварен и воплощен в бесчисленном множестве видов ($\mu\upsilon\rho\iota\omicron\kappa\acute{\epsilon}\phi\alpha\lambda\omicron\varsigma$, **мѣногоглавынын**). Множество «голов» имеет и такой бес, как *бес идолопоклонничества*, $\delta\pi\omicron\lambda\upsilon\kappa\acute{\epsilon}\phi\alpha\lambda\omicron\varsigma\tau\eta\varsigma\epsilon\acute{\iota}\delta\omega\lambda\omicron\lambda\alpha\tau\rho\iota\alpha\varsigma\delta\acute{\omicron}\phi\iota\varsigma$, **многоглавынын коумнрънын змнн**.

Постоянным врагом инока является $\eta\kappa\omicron\iota\lambda\iota\omicron\mu\alpha\nu\acute{\iota}\alpha\upsilon\rho\tau\epsilon\upsilon\nu\omicron\kappa\ b\epsilon\tau\acute{\eta}\sigma\eta\eta\kappa$ **бѣшеннѣ**. *Бес объедения* всегда сидит у человека в желудке и не дает ему насытиться. Против инока строят многочисленные козни **бѣсъ пѣуалн** ($\tau\eta\varsigma\lambda\upsilon\pi\eta\varsigma$), **бѣсъ гнѣва** ($\tau\omicron\upsilon\theta\upsilon\mu\omicron\upsilon$), **хоульнын бѣсъ** ($\tau\eta\varsigma\beta\lambda\alpha\sigma\phi\eta\mu\acute{\iota}\alpha\varsigma$). В борьбе против подвижника коварные бесы объединяются. Например, *бес объедения*, после того, как заставит монаха пресытиться, посылает на него *беса блуда*: **бѣсъ въ сырнцн | сѣднть · н не насытн | тн сь ѡвкоу творнтъ · | аще н вьсь егѣптѣ нзѣ | сть · н ннлѣ нспнктъ · | по брашнѣ ѡходнтъ не | подовынын · н блѣдѣ | нын намѣ постѣктъ · | заповѣдавѣ емоу бы | вѣшаа · ндн ндн възмѣ | тн того** 93в, 11–21.

Наблюдения над функционированием тематической группы лексики, именуемой в Лествице «нечистую силу», привели к следующим выводам:

1. И в оригинальном, и в переводном текстах памятника лексемы **днѣволѣ** ($\delta\delta\iota\acute{\alpha}\beta\omicron\lambda\omicron\varsigma$) и **бѣсъ** ($\delta\delta\alpha\acute{\iota}\mu\omega\nu$) могут отсутствовать. Автор Лествицы, Иоанн Синайский, в целом ряде случаев намеренно избегает употреблять названные лексемы. *Дьявола*, например, он именуется $\delta\mu\iota\sigma\acute{o}\kappa\alpha\lambda\omicron\varsigma$ (**ненавндлн добра** 46в, 7–8). Для обозначения *беса* Иоанн Лествичник использует множество не прямых наименований: $\delta\alpha\nu\omicron\sigma\iota\omicron\varsigma$ (**неподовынын** 93в, 16–17), $\delta\phi\omicron\nu\iota\omicron\varsigma$ (**разбонннкѣ** 99б, 16–17; **оубнвѣца** 85г, 11–12); $\delta\alpha\pi\alpha\tau\epsilon\acute{\omega}\nu$ (**льстѣць** 104а, 21); $\delta\text{Αἰγύπτιος}$ (**егѣптнн** 101а, 12); $\delta\lambda\upsilon\kappa\omicron\varsigma$ (**влькѣ** 101а, 17); $\delta\delta\acute{\omicron}\phi\iota\varsigma$ (**змнн** 112б, 9–10).

2. Еще бóльшим стремлением избегать употребление слов, именующих «нечистую силу», характеризуется славянский текст памятника. При чтении Рум. 198 складывается такое впечатление, как будто писец специально пропускает названия тех или иных бесов, ср.: $\tau\omicron\nu\ \pi\alpha\rho\acute{o}\nu\tau\alpha\ \mu\upsilon\rho\iota\omicron\kappa\acute{\epsilon}\phi\alpha\lambda\omicron\nu\ \delta\alpha\acute{\iota}\mu\omicron\nu\alpha\ \phi\iota\lambda\alpha\rho\gamma\upsilon\rho\iota\alpha\varsigma\ \epsilon\nu\tau\acute{\alpha}\tau\tau\epsilon\iota\nu$. **соуцааго мнѣногоглавѣнаго · вѣуннѣють** 110б, 10–11;

ἀνατρέπειν τὸν τῆς πορνείας δαίμονα въздържатн вѣ|са 98a, 15–16; Οἱ ἐν καρδίᾳ ἀκάθαρτοι καὶ αἰσχροὶ λόγοι ἐκ τοῦ ἀπατεῶνος τῆς καρδίας, τοῦ τῆς πορνείας δαίμονος, πεφύκασι τίκτεσθαι |ако|же [Так! – Т.П., вместо: |а|же?] въ срѣцн неустѣаа· | н сквърньнаа слове|са· Ѡ прельстѣнна | срѣдѣнаго· блѣдѣнаа|го ражают· са 109a, 14–19; καταλιμπανόντων ἡμῶν τὸν τῆς οἰήσεως δαίμονα, τὸν τόπον πάντων ἀναπληροῦντα |оставляеиъ намъ· | мынѣнна мѣсто все | напълняюще 104a, 17–20 и т.д.

Подчеркнутые греческие лексемы, «выброшенные» из славянского текста, несут большую смысловую нагрузку, часто являясь ключевыми в своих контекстах. В результате такой писцовой «деятельности» напрочь утрачивается смысл целых фрагментов текста. Таким образом, первый славянский перевод Лествицы, сохранившийся в Рум. 198, если изучать его по тексту только одной рукописи, действительно, может показаться «темным», «маловразумительным» и «во многих местах совсем неверным» – именно такие нелестные характеристики дали этому переводу А.В. Горский и К.И. Невоструев¹⁰. Однако для того, чтобы делать выводы об особенностях перевода, необходимо привлекать к исследованию максимально большое число списков этого перевода, поскольку «материал каждой рукописи может быть правильно интерпретирован <...> только при учете данных из ближайших родственных списков»¹¹.

Рум. 198 является древнейшей славянской Лествицей, однако, кроме нее, текст первого славянского перевода сохранился в десятках других рукописей Лествицы, рассеянных по библиотекам многих стран мира (России, Сербии, Румынии, Болгарии, Греции)¹². «Потерянные» Рум. 198 фрагменты текста можно восстановить по другим рукописям перевода. Вообще, писец Рум. 198 представляется неопытным, слабо обладающим писцовой выучкой, но думается, что не только он один мог «терять» текст – это могли делать и писцы предыдущих списков. В любом случае, отсутствие фрагментов текста, повлекшее утраты его смысла, не характеризует ни протограф, ни работу переводчика. «Темнота» и «маловразумительность» текста рукописей преславского перевода объясняется, на наш взгляд, не деятельностью переводчика, а деятельностью позднейших переписчиков многочисленных рукописей перевода, сохранивших несколько его редакций.

Рум. 198, древнейшая славянская рукопись Лествицы, является чрезвычайно ценным источником для историко-лексикологических исследований русского языка. Однако корректная оценка отраженных в ней лингвистических фактов невозможна, с одной стороны, без привлечения греческого текста и, с другой стороны, без учета материала генетически близких ей славянских рукописей, т.е. без текстологического анализа. Это относится и к любым другим переводным памятникам древнейшей славянской письменности.

¹⁰ Горский, Невоструев 1859, 203, 204.

¹¹ Жуковская 1976, 5.

¹² См. об этом: Попова 2010б, 119–141.

ЛИТЕРАТУРА

- Василева, Н. 2002: *Лексиката на Лествицата*. Варна.
- Верещагин, Е.М. 1996: *Христианская книжность Древней Руси*. М.
- Горский, А.В., Невоструев, К.И. 1859: *Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки*. Т. II, 2. М.
- Жуковская, Л.П. 1974: О исследованиях по старославянскому языку. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка* 33 (5), 465–471.
- Жуковская, Л.П. 1976: *Текстология и язык древнейших славянских памятников*. М.
- Иванова, Т.А. 1965: Заметки о лексике Синайского патерика (к вопросу о переводе Патерика Мефодием). В сб.: М.Б. Храпченко (ред.), *Проблемы современной филологии: сборник статей к семидесятилетию академика В.В. Виноградова*. М., 149–152.
- Камчатнов, А.М. 1995: *Лингвистическая герменевтика*. М.
- Попова, Т.Г. 2010а: К вопросу об авторе преславского перевода Лествицы Иоанна Синайского. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология»* 4, 44–47.
- Попова, Т.Г. 2010б: *Славянская рукописная традиция Лествицы Иоанна Синайского*. Северодвинск.
- Прохоров, Г.М. 2010: *Древняя Русь как историко-культурный феномен*. СПб.
- Ball, H. 1931: *Byzantinisches Christentum. Drei Heiligenleben*. München.
- Popova, T.G. 2012: *Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften*. Köln – Weimar – Wien.

REFERENCES

- Ball, H. 1931: *Byzantinisches Christentum. Drei Heiligenleben*. München.
- Gorskiy, A.V., Nevostuev, K.I. 1859: *Opisanie slavyanskikh rukopisey Moskovskoy Sinodal'noy (patriarshey) biblioteki* [Description of the Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal (Patriarchal) Library]. Т. II, 2. Moscow.
- Ivanova, T.A. 1965: Zametki o leksike Sinayskogo paterika (k voprosu o perevode Paterika Me-fodiem) [Notes on the Vocabulary of the Sinai Patericon (on the Issue of the Translation of Paterik Methodius)]. In: M.B. Hrapchenko (ed.), *Problemy sovremennoy filologii: sbornik statey k semidesyatiletuyu akademika V.V. Vinogradova* [Problems of Modern Philology: a Collection of Articles on the Seventieth Birthday of Academician V.V. Vinogradova]. Moscow, 149–152.
- Kamchatnov, A.M. 1995: *Lingvisticheskaya germeneytika* [Linguistic Hermeneutics]. Moscow.
- Popova, T.G. 2010a: K voprosu ob avtore preslavskogo perevoda Lestvitsy Ioanna Sinayskogo [To the Question of the Author of the Persian Translation of the Ladder of St. John of Sinai]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series “Russian Philology”] 4, 44–47.
- Popova, T.G. 2010б: *Slavyanskaya rukopisnaya traditsiya Lestvitsy Ioanna Sinayskogo* [Slavic Manuscript Tradition of the Ladder of St. John of Sinai]. Severodvinsk.
- Popova, T.G. 2012: *Die Leiter zum Paradies des Johannes Klimakos. Katalog der slavischen Handschriften*. Köln – Weimar – Wien.
- Prohhorov, G.M. 2010: *Drevnyaya Rus' kak istoriko-kul'turnyy fenomen* [Ancient Russia as a Historical and Cultural Phenomenon]. Saint-Petersburg.
- Vasileva, N. 2002: *Leksikata na Lestvitsata* [Vocabulary for Ladder]. Varna.
- Vereshchagin, E.M. 1996: *Hristianskaya knizhnost' Drevney Rusi* [Christian Bookishness of Ancient Russia]. Moscow.

- Zhukovskaya, L.P. 1974: O issledovaniyah po staroslavjanskomu yazyku [About Research on the Old Slavonic Language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the USSR Academy of Sciences. Series of Literature and Language] 33 (5), 465–471.
- Zhukovskaya, L.P. 1976: *Tekstologiya i yazyk drevneyshih slavyanskih pamyatnikov* [Text and Language of the Oldest Slavic Monuments]. Moscow.

NOTES ON THE LEXICON OF JOHN CLIMACUS' "THE LADDER"

Tatyana G. Popova

*Institute of Humanities of the Northern (Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov, Russia,
lestvic@mail.ru*

Abstract. One of the most popular medieval books, "The Ladder" (Lestvica) by John Climacus, is still to be a subject that has been little explored. The article deals with the lexical structure of the book by analysis of the text of the most ancient Russian manuscript created in the middle of the 12th century in the Kiev territory. In the manuscript, there are many words indicating the time and the place of the first Slavic translation of "The Ladder" (Preslav Literary School). The outstanding medieval Bulgarian scholar and writer John the Exarch was possibly the translator. The medical and astronomical terms, names of animals, plants and chemical elements are considered in the article. The terms related to the monastic life are described: the names of dwellings, words conveying a way of life in the monastery, names of monks. Special attention is paid to the words calling evil spirits. This group of words in "The Ladder" is extremely diverse. The devil and his suite (demons) do their sophisticated work against the monk, personifying a particular vice. John Climacus expressively describes the struggle of the monk against these demons (the demon of vanity, the demon of adultery, the demon of despondency etc.). In the original text, the author tries to replace lexemes of the devil or a demon with indirect names (the enemy, the wolf, the dragon, the robber etc.). The Slavic text of the monument is still characterized by big aspiration to avoid the use of the direct names. When reading the manuscript one gets the impression that the scribe specifically omits the names of the demons. In general, observations on the text of the Slavic manuscript in comparison with the Greek original lead to the belief that the first Slavic translation of "The Ladder" was done at a high level. In the Slavic manuscript there are missing text fragments and therefore the meaning of the original text is often lost. However, this is not due to bad translation, but the activity of copyists of this text translation is to be blamed.

Key words: John Climacus, The Ladder, Medieval Slavic Manuscripts, Old Russian language, Lexicon, Translation of Greek into Old Church Slavonic